

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Д. Дикарев

Французский взгляд на российско-китайские отношения

Рец.: Пьер Андриё. Геополитика российско-китайских отношений. 2023 (Pierre Andrieu. Géopolitique des relations russo-chinoises. Presses Universitaires de France). 192 с.

Аннотация: Рецензируется научно-популярная книга французского дипломата Пьера Андриё «Геополитика российско-китайских отношений», изданная в сентябре 2023 г. Основная ценность книги заключается в попытке комплексно осветить историю становления взаимосвязей между Китаем и Россией и оценить их современное состояние с точки зрения геополитики. Отношения двух стран рассматриваются как один из элементов развития российско-украинского конфликта и как мощный драйвер эволюции международной обстановки в целом. В книге содержится краткий исторический очерк процесса физического и идеологического сближения России с Китаем на протяжении многих веков. Отдельно освещена идейная эволюция российского руководства в XXI веке. Особое внимание уделено пересечению интересов двух стран в регионе Центральной Азии. Подробно проанализированы последние соглашения 2022 и 2023 гг., заключенные между Россией и Китаем, а также «мирный план» Китая в отношении Украины.

Ключевые слова: КНР, Россия, международные отношения, геополитика, история, идентичность, евразийство, стратегия.

Автор: Дикарев Андрей Дмитриевич, ведущий научный сотрудник Центра Китая, Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-9888-7708. E-mail: a.dikarev@inno.mgimo.ru

А·Д·季卡列夫

法国视角下的俄中关系

书评: 皮埃尔·安德鲁《俄中关系的地缘政治》，2023年 (Pierre Andrieu. Géopolitique des relations russo-chinoises), Presses Universitaires de France. 2023. 192页

摘要：本人对法国外交官皮埃尔·安德鲁于 2023 年 9 月出版的科普书籍《俄中关系的地缘政治》进行了评论，该书的主要价值在于其试图全面阐明中俄关系形成的历史，并从地缘政治的角度评估两国关系的现状。两国关系被认为是俄乌冲突发展的因素之一，也是整个国际局势演变的强大推动力。该书简要介绍了俄罗斯和中国数个世纪以来物质和意识上的接近过程。21 世纪俄罗斯领导层的思想转变也被单独强调。本书特别关注两国在中亚地区的利益交集，详细分析了 2022 年和 2023 年俄罗斯与中国签订的最新协议，以及中国关于乌克兰的“和平计划”。

关键词：中华人民共和国；俄罗斯；国际关系；地缘政治；历史；认同；欧亚主义；战略。

作者：安德烈·德米特里耶维奇·季卡列夫，莫斯科国际关系学院国际研究所中国、东亚与上海合作组织中心首席研究员。E-mail: a.dikarev@inno.mgimo.ru

Andrey D. Dikarev

The French Perspective on Russian-Chinese Relations

Review: Pierre Andrieu. Geopolitics of Russian-Chinese Relations. 2023 (Pierre Andrieu. Géopolitique des relations russo-chinoises). Presses Universitaires de France, 2023. 192 p.

Abstract. This paper is a review of a popular science book by French diplomat Pierre Andrieu, ‘The Geopolitics of Russian-Chinese Relations’ published in September 2023. The main value of the book lies in its attempt to comprehensively illuminate the history of the development of ties between China and Russia and to assess their current state from a geopolitical perspective. The relations between the two countries are seen as one of the elements in the development of the Russian-Ukrainian conflict and as a powerful driver of the evolution of the international situation as a whole. The book provides a brief historical sketch of the process of physical and ideological rapprochement between Russia and China over many centuries. The evolution of the official ideology of Russia is highlighted. Particular attention is paid to the intersection of interests of the two countries in the Central Asian region. The latest agreements of 2022 and 2023 concluded between Russia and China, as well as China’s “peace plan” regarding Ukraine, are analyzed in detail.

Keywords: China, Russia, international relations, geopolitics, history, identity, Eurasianism, strategy.

Author: Andrey D. Dikarev, Leading Researcher of the Center for China, East Asia and Shanghai Cooperation Organization, Institute of International Studies, MGIMO University. ORCID: 0000-0002-9888-7708. E-mail: a.dikarev@inno.mgimo.ru

Книгу известного французского дипломата Пьера Андриё «Геополитика российско-китайских отношений» следует отнести к жанру научно-популярной литературы. Все сюжеты, распределенные по ее девяти главам, изложены живо и занимательно. Рассказ автора основан на западных и российских, в меньшей степени – китайских научных трудах на данную тему, что предполагает некую заявку на объективность

и неангажированность. На наш взгляд, основной интерес представляют авторские оценки тех или иных исторических фактов, событий и концепций, поскольку сам текст в целом не претендует на революционные открытия ни в исторической науке, ни в политологии.

Особую актуальность своего исследования автор видит в том, что отношения между Россией и Китаем вышли на первый план международной повестки вследствие российско-украинского конфликта. Эти отношения, по его убеждению, являют собой один из основных элементов развития конфликта, а также, в более широком плане, – драйвер эволюции международной обстановки.

Первая глава, хлестко названная «От взаимного невежества к неудавшемуся братству» – по существу краткий исторический очерк медленного процесса взаимного узнавания, а позднее – взаимодействия Китая и России после заката «монгольского мира». Приведены хорошо известные факты о формировании российско-китайской границы и т.н. «неравноправных договоров», заключенных в ходе экспансии России в направлении Тихого океана в XVI–XIX вв.

Переходя к новейшей эпохе, Андриё утверждает, что советское правительство, поддерживая революцию в новом Китае, не собиралось уступать ему огромные азиатские территории и быстро возвращалось к империалистической практике царской России. В этом отношении автор следует в русле традиционной западной историографии, в которой устоялось положение о становлении «подлинной державности» в советской политике, то есть о переходе от новой, революционной и бескорыстной дипломатии, явленной миру в известной Декларации Карахана 1919 г., к дипломатии традиционной, националистической, ориентированной на собственные интересы.

Автор повествует об основных последствиях Октябрьской революции, попутно пытаясь ответить на вопрос, как случилось так, что марксизм сумел, хотя и не сразу, заменить собой конфуцианство в качестве господствующей идеологии Китая. Достоверно описана «двойная игра Москвы» в 20–40-х годах XX в., когда, пытаясь усилить свое влияние на революционные процессы в Китае, не забывая при этом о своих интересах в Монголии, на Желтом море и в Синьцзяне, СССР лавировал между Гоминьданом и КПК. Согласно автору, в течение этого периода советская власть ни разу не упоминала о «возврате» каких бы то ни было территорий Китаю, аннексированных при царском режиме (с. 23). Автор в итоге склоняется к поддержке вывода о том, что советская Россия, «несмотря на большевизм и диктатуру пролетариата, проводила в территориальном отношении точно такую же политику, как и в царские времена». Подобные трактовки подвергались критике в работах российских исследователей, отмечавших, что влияние марксистской идеологии всегда сохранялось во внешней политике СССР¹.

Период после 1949 г. Андриё характеризует как время становления советско-китайской дружбы, сопряженной с недоверием. Он пишет, что недоверие к СССР и страх перед советским нападением в 1960–1970-х годах стали в Китае так сильны, что Мао Цзэдун сумел «добиться невысказанного», т.е. «разворота альянсов» (*renversement des*

---

¹ См., например: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток–Запад: АСТ, 2007. С. 220–222.

alliances), обратившись за поддержкой к ненавистным «американским империалистам», чтобы сдержать, как говорили в Китае в те годы, «гегемонистские устремления» (*tendances hégémoniques*) Москвы (с. 31). Завершается глава описанием деградации отношений в послесталинский период и их фактического разрыва в 1960-е годы.

Во второй главе «От прагматизма к идеологическому альянсу» рассказывается, как России и Китаю удалось установить прагматичные и спокойные отношения после смерти Мао Цзэдуна. Со ссылками на российских авторов (А.В. Лукин, И.Е. Денисов и др.) Андриё напоминает об истории подписания в 2001 г. нового договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и КНР, не предусматривающего формального союза, но давшего возможность со временем говорить об «отношениях нового типа» и, по мнению автора, предположить наличие некоего «идеологического сговора» между Китаем и Россией. Смысл этого сговора, точнее говоря – взаимного попустительства (*connivence*) – французский дипломат расшифровывает, весьма откровенно и резко характеризуя современные политические установки в обеих странах, при этом опираясь в своих выводах на западных и российских теоретиков либерального толка.

В отношении России, полагает автор, речь может в наше время идти не о структурированной, «позитивной» официальной идеологии, основанной на заведомо ложном постулате о построении светлого коммунистического будущего, а о «некой политико-идеологической магме, в которой слились консервативные и даже реакционные идеи, царский национализм, советский патриотизм, смешанный с ретроградной религиозной «духовностью», исповедуемой Русской православной церковью» (с. 43).

Что касается Китая, то вначале это была известная идеология экономического прагматизма Дэн Сяопина и его последователей, а после 2013 г. постепенно кристаллизуется «разработанный Си Цзиньпином „национал-коммунизм“, проистекающий из всемогущества КПК и обостренного чувства национализма». В этом смысле установки на «великое возрождение китайской нации вполне созвучны аналогичным националистическим устремлениям современной России. Борьба с «западным влиянием» обуславливает при этом выживание режимов как в Пекине, так и в Москве, полагает автор (с. 45).

Таким образом, Андриё фактически солидаризируется с позицией тех западных авторов, которые считают, что основой российско-китайского сближения является растущая близость идеологий². Эта позиция также подвергалась критике как в России, так и в Китае, где больше подчеркивали деидеологизацию и значение геополитических интересов³, а также многих на Западе, кто утверждал, что взаимоотношения двух стран несут сугубо тактический характер («брак по расчету»)⁴.

² Gilbert Rozman, *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East versus West in the 2010s*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press with Stanford University Press, 2014.

³ Ли Цзинцзе. Китайско-российские отношения и американский фактор // *Азия и Африка сегодня*. 2002. №3. С. 46–51; Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013.

⁴ Bobo Lo, *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*, Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.

В следующей части (глава третья: «Некоторые элементы российской идентичности» и четвертая: «Китай, Азия и евразийство») автор освещает эволюцию национальной идентичности России.

Выявление ее составляющих требует, по его мнению, в первую очередь, принципиальной оценки влияния монголо-татарского ига на русский менталитет. Автор здесь опирается на Карамзина и Ключевского, которые по-новому оценили роль Орды и подчеркнули «пользу великого несчастья», которое принесли Руси захватчики. Монгольское владычество якобы позволило той части будущей России, которая непосредственно подчинялась монгольским ханам, преодолеть свои разногласия, укрепиться, заимствовать у оккупантов административные приемы, развить торговые отношения и приобрести военный опыт во время совместных походов. Итоги ордынского периода автор оценивает так: «Политически и институционально Орда была для Московии ориентиром, а также источником вдохновения и могущества». Автор в стиле средневековой религиозной историографии полагает, что история по крайней мере этой части мира развивается согласно принципу «переноса верховной власти» (*translatio imperii*): на смену одной империи непременно приходит другая (с. 51).

Символически выраженная на византийском гербе, привезенном в подарок Ивану Третьему его второй женой из Константинополя, двойная идентичность России была признана всеми российскими царями, а в XX–XXI вв. – и президентами новой России. Таким образом, начиная с XVI в. константами российской политики и важнейшими элементами, которые помогли сформировать российскую идентичность, стали самодержавная власть, империализм, противостояние латинскому и германскому Западу, православие и экспансия в Европу и Азию. Россия строится и развивается с тех пор одновременно как нация-государство и как империя. Эти весьма общие рассуждения, широко распространенные в беллетристике, представляются сегодня устаревшими и весьма поверхностными, требующими более глубокого знания реальной истории.

В эпоху Сталина, полагает Андриё, намечился поворот к великорусскому шовинизму, о чем свидетельствует, по его мнению, знаменитый тост в честь русского народа, произнесенный Сталиным в 1945 г. по поводу Победы в Отечественной войне. При Хрущеве намечилась была некоторая дерусификация (начиная с передачи Крыма Украине), но в итоге возникла концепция «новой исторической общности», и национальные проблемы советской империи ушли на какое-то время на задний план (с. 55–56). Автор все же склонен утверждать, что фактически русификация продолжалась, о чем, по его мнению, говорят впечатляющие успехи распространения русского языка в СССР.

Говоря о новой России, автор уделяет много внимания идеологии российского евразийства – одной из идейных конструкций, лежащих в основе российской идентичности. Согласно Андриё, это всеобъемлющая доктрина, стремящаяся, по словам французского исследователя России и Центральной Азии М. Ларюэль, «легитимизировать Российскую империю в ее континентальном и азиатском измерениях, придать ей нередуцируемую идентичность по отношению к Европе» (с. 67).

Автор отмечает, что доктрина евразийства отстаивает существование единства культуры «русского мира» и тюркских народов и фактически служит «легитимацией

имперского структурирования евразийского пространства» (с. 67). Здесь автор ссылается на «советского евразийца» Л.Н. Гумилева, который считал русских «суперэтносом», родственным тюрко-монгольским народам евразийской степи. В нынешнее время на смену Гумилеву пришли неоевразийцы типа А.Г. Дугина с разного рода «эксцентричными», по словам Андриё, теориями, объясняющими, в частности, особенности «российского колониализма»⁵ (с. 68).

В заключение этой части автор гораздо более кратко по сравнению с аналогичными российскими сюжетами касается некоторых черт китайской идентичности, отмечая ее преэсущественность по линии Мао–Дэн–Си. Эпоха Си Цзиньпина, по его словам, «характеризуется укреплением традиционно мощного национализма, дополняемым наступательным и реваншистским дискурсом» (с. 69). Не очень понятно, имеется ли в виду только Тайвань или речь идет о реваншизме в максимально глобальном смысле.

Глава пятая «Геостратегический альянс или ситуативное согласие?» – попытка дать ответ на самый фундаментальный вопрос современной геополитики. Здесь автор рассказывает о последних событиях в российско-китайских отношениях. Особо важным он считает совместное заявление 4 февраля 2022 г., где зафиксирована близость позиций, особенно в отношении НАТО и «западных ценностей» (с. 71). В то же время этот документ позволяет обеим странам сохранять стратегическую гибкость и вступать в конфронтацию с Соединенными Штатами самостоятельно и параллельно.

«Высшей точкой» в отношениях двух стран Андриё закономерно полагает визит Си Цзиньпина в Москву в марте 2023 г. Он подробно разбирает обширную двустороннюю декларацию, опубликованную по итогам этого визита, и соглашается с мнением американского эксперта Э. Вишник о том, что «стратегическая двусмысленность, присущая китайско-российскому партнерству, воплощенная во всех этих документах, делает любой формальный союз, закрепленный в официальном документе, еще менее необходимым». Этот идеально подходящий для обеих стран, как считает китайская пресса, формат отношений имеет тем не менее свои пределы, о которых и повествует далее Андриё (с. 81).

Эти пределы, по словам автора, относятся в основном к экономике, точнее – ее инвестиционной сфере. Напуганный рискованной обстановкой в Европе, Китай продолжает отдавать приоритет американским и азиатским рынкам или рынкам развивающихся стран.

Глава шестая посвящена Центральной Азии, которая рассматривается как поле сотрудничества и соперничества Китая с Россией. По мнению Андриё, Россия находится на стадии «относительного отступления» (*recul relatif*) на этом фронте (с. 10). Присутствие Китая же в регионе растет, благодаря, в частности, гигантскому проекту «Один пояс, один путь». В Центральной Азии, стратегически важном регионе для обеих стран, сложилось, как полагает Андриё, своеобразное «разделение труда» –

⁵ К таким «теориям» автор относит оккультизм, арийский миф, конспирологию и т.д. Отличие России от колониальных стран Европы неоевразийцы видят в «единстве метрополии и колонизируемой территории».

Китай отвечает за экономику и финансы, смиряясь с культурно-лингвистическим влиянием России. Андриё критикует «чрезмерный оптимизм», с которым некоторые российские эксперты уверяют, будто Россия не испытывает неудобств от многообразного усиления позиций Китая в регионе (с. 105).

Опять обращаясь к истории, с уклоном в основном в российские, а не китайские сюжеты, автор начинает рассказ о том, как шла территориальная реорганизация советской империи, как боролись две тенденции решения национального вопроса, представленные Лениным и Сталиным соответственно, в чем проявлялся «великорусский шовинизм» и как шла борьба с «буржуазным национализмом». Освещена история произвольного проведения границ между новыми республиками, начавшими присоединяться к СССР после 1924 г.

После распада СССР границы между республиками, бывшие прежде символическими, стали «нерушимыми». А что касается национализма в бывших советских республиках, то автор отмечает как некий парадокс, что несмотря на явную русификацию, местные элиты пришли после 1991 г. к власти благодаря национальным чувствам, которые были вращены или созданы во времена СССР.

Рассуждая о процессе сопряжения стратегических инициатив, одним из результатов которого стало соглашение 2018 г. о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и КНР, автор задается вопросом, действительно ли оно вдохновлено идеей «Большого Евразийского партнерства», которую выдвинул В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г., или же порождено надеждой России на некое «перенаправление» китайской экспансии.

Автор, судя по всему, склоняется ко второму варианту, ибо полагает, что «попытка России ограничить рост мощи Китая при помощи “общеконтинентальных коллективных институтов”» является хорошей иллюстрацией недоверия, которое Москва продолжает питать к своему «стратегическому партнеру». «Если даже Россия и является архитектором Большого Евразийского партнерства, то, несомненно, именно Китай будет определять его судьбу», – прогнозирует автор, ссылаясь на выводы турецкого политолога С. Кесема (с. 115).

В седьмой и восьмой главах предпринята попытка детального анализа влияния на двусторонние отношения украинского конфликта, который привел к укреплению «нового типа» отношений России с Китаем. Альянс с Россией, по мнению Андриё, обеспечивает китайцам регулярные поставки сырья и энергии по хорошей цене, а также «надежный тыл в случае конфликта вокруг Тайваня и в южных морях» (с. 10).

В начале главы 7 «Украинский поворот» кратко изложены основные вехи отношений Украины с Китаем после установления «стратегического партнерства» в 2011 г. Официальную позицию КНР по конфликту на Украине Андриё характеризует как «прорусский нейтралитет Китая» (с. 121).

Что касается экономики в российско-китайских документах 2023 г., то выводы Андриё весьма категоричны: юанизация торговли несет риски для России, превращая ее в младшего партнера в альянсе, и повышает зависимость от китайской экономики. Этот процесс он называет «безвозвратной китаизацией внешней торговли России»

(с. 128). Далее в этой главе Андриё возвращается к влиянию украинской ситуации на Центральную Азию и на якобы ведущуюся борьбу России и Китая за влияние в этом регионе.

В целом автор уверен, что позиции России за последние два года здесь ослабли. Все менее актуальным ему представляется упомянутое выше «разделение труда» (*division du travail*) между Россией и Китаем, при котором первая должна отвечать за безопасность, а вторая – за инвестиции и экономическое развитие (с. 134). Он отмечает, что некоторый паралич России в сфере безопасности в регионе подстегнул Китай к активизации военного сотрудничества с Узбекистаном и Таджикистаном. Андриё допускает еще несколько явно преувеличенных скороспелых утверждений о «постепенном обесценении и делегитимизации России в Центральной Азии» (с. 136): «Поскольку Россия больше не в состоянии удерживать свои позиции в качестве сопредседателя ШОС, Пекин фактически берет на себя руководство этой организацией. У Москвы уже нет достаточных рычагов для того, чтобы превратить его, как ей бы хотелось, в антизападный альянс. Наконец, русские, похоже, больше не в состоянии играть свою роль «мировой судьи» в Центральной Азии, которая до сих пор была негласно закреплена за ними как на двусторонней основе, так и через региональные организации, которые они создали или контролируют» ... (с. 136–137).

Что касается собственно стран ЦА, то соглашаясь с китаеведом Т. Умаровым, Андриё пишет, что «центральноазиатские лидеры оценивают украинскую войну прежде всего с точки зрения сохранения собственной власти, что заставляет их проявлять осторожность и в случае необходимости выражать лояльность российскому президенту хотя бы на словах» (с. 131).

В главе 8 Андриё детально анализирует опубликованную 24 февраля 2023 г. китайскую позицию из 12 пунктов по разрешению украинского конфликта. В своем нынешнем виде, пишет он, китайский документ не является ни «мирным планом», ни тем более программой переговоров, предлагающей обеим сторонам конкретные решения, ни графиком с обозначением конкретных этапов, но лишь перечнем иногда противоречащих друг другу общих положений (с. 145).

Автор выборочно комментирует некоторые из положений этого документа. По его мнению, призыв к отмене «односторонних санкций» против России может объясняться сугубо прагматически, поскольку санкции «способны ударить по Китаю напрямую в будущем, если Пекин усилит поддержку Москвы или если китайцы решат вторгнуться на Тайвань» (с. 146). Такая демонстрация приоритетов, естественно, была замечена и одобрена российской стороной, которая заявила, что «с уважением» относится к «сбалансированной позиции» Пекина.

Андриё подробно анализирует аргументацию немногочисленных китайских критиков официальной позиции Пекина, приводя обширные цитаты из ставших хорошо известными во Франции выступлений известных ученых и общественных деятелей Ху Вэя и Ван Хуйяо, высказывавшихся против поддержки России.

Андриё делает категоричные выводы, похожие скорее на смелые гипотезы: «Появиться в западной прессе такие публикации могли только с ведома китайских властей, поэтому очевидно, что мирный исход действительно присутствует в расчетах

Пекина, хотя в другой группе аналитиков господствует уверенность в том, что Пекин мог бы приветствовать продолжение российской войны в Европе, коль скоро это отвлекло бы внимание Вашингтона от китайского направления». В то же время автор сочувственно относится к предположениям некоторых либеральных аналитиков о том, что российское руководство не вполне доверяет Китаю, и заключает, что «в целом в России продолжают подозревать Китай в плетении интриг совместно с Западом и Украиной, а китайцы сомневаются в способности России одержать военную победу» (с. 152).

В девятой, заключительной главе предпринята попытка проанализировать идеологическую и политическую эволюцию взглядов российского руководства в XXI в. В этом же разделе своей книги автор включается в обсуждение одного из наиболее актуальных в современной китаеведной политологии вопросов – кем следует считать Россию теперь: вассалом, младшим партнером или же полноправным союзником Китая. От собственного ответа на этот вопрос Андриё воздерживается, но ссылается на «некоторых западных ученых», «которые рассматривают экономический и торговый дисбаланс между Россией и Китаем как фактическую вассальную зависимость, которая уже превратила первую в младшего партнера второго» (с. 171).

О том, что думают обо всем этом в Китае, Андриё практически ничего не сообщает, отмечая лишь, что дискуссии о ситуации в России и будущем двусторонних отношений, вероятно, весьма напряженно идут среди китайских чиновников, но всякие публичные напоминания о территориальных захватах Российской империи выглядят пока что достаточно безболезненными (*indolores*)⁶. Отдельные публикации с критикой концепции «стратегического пространства» России и «русского мира»⁷ следует отнести к разряду маргинальных, а взгляды таких авторов Андриё характеризует как экстремальные (*opinion extreme*), афишировать которые китайское правительство отнюдь не стремится (с. 174).

В Заключении автор предлагает один весьма оптимистический прогноз развития российско-китайских отношений и несколько выводов, в целом весьма пессимистических, поскольку они предполагают непреодолимость культурно-цивилизационных барьеров между Россией и Китаем. Первый из выводов кажется отчасти достоверным, второй – заслуживающим внимания, третий – чересчур категоричным, четвертый – устаревшим, а пятый – самоочевидным. Оптимистический прогноз принадлежит известному российскому политологу Д.В. Тренину, который следующим образом определил суть китайско-российских отношений: «Россия и Китай никогда не встанут друг против друга, но и не обязательно всегда будут вместе».

Главные выводы Андриё таковы.

---

⁶ К числу таких упоминаний можно отнести решение китайских властей, принятое в феврале 2023 года, об использовании на картах, издаваемых в КНР, традиционных китайских названий отдельных географических объектов на территории России наравне с транслитерацией с русского языка.

⁷ Юань Ган, бывший профессор Пекинского университета, отмечал, что «Китай испытал свою долю вторжений и злоупотреблений со стороны великих держав, из которых аннексия Россией китайских территорий была самым большим бедствием» (с. 173).

Китай как растущая держава заново обретает национальную гордость и мощь, в то время как Россия – падающая держава – находится в тисках сильного кризиса идентичности и нуждающаяся в новом самоосмыслении.

Именно взаимное недоверие и двойственность реакций (*ambivalence*), подпитываемые сильной экономической и демографической асимметрией, являются двумя «красными нитями», связывающими Россию с Китаем на протяжении долгой истории их отношений. Каким бы ни было фактическое состояние этих отношений (открытая вражда, «вечная дружба» или «безграничность»), эти два чувства неизменно преобладали.

Эти «красные нити» не стали тем не менее объединяющим фактором, глубокое незнание друг друга и культурно-цивилизационное непонимание продолжают, как и несколько веков назад, непоправимо разделять две страны. «Хищническое и эгоистичное» поведение Российской империи, а впоследствии и Советского Союза закрепило подозрения в неискренности, которые Китай до сих пор питает по отношению к России.

По мнению Андриё, русские все еще испытывают смутный страх перед лицом китайской «желтой опасности», поскольку на всем протяжении своей истории бессознательно смешивали татаро-монгольское иго с постоянно переоцененной угрозой вторжения со стороны густонаселенного Китая, до сих пор подозреваемого в желании захватить тем или иным способом Сибирь и российский Дальний Восток.

Главный, если не единственный фактор, который сближает Россию с Китаем – общая оппозиция Соединенным Штатам и западному либерализму.

Выход в свет книги Пьера Андриё во Франции, конечно, сыграет позитивную роль в плане привлечения внимания франкоязычной аудитории к феномену исторического сближения между Москвой и Пекином. В то же время нужно признать, что подход автора страдает от большого количества чересчур широких обобщений и расхожих исторических стереотипов, весьма распространенных в массовом сознании европейцев, и требует более глубокого знания реальных фактов и документов о динамике развития российско-китайских отношений.

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru**